

– Когда же эта земля и нашей станет? Храмы и города на ней строим, крести её, живем здесь уже сколько лет – когда же она и нашей станет?

– Когда на три сажени вглубь кровью своей её напоим.

В январе 2019 года в Пермском крае начнутся съемки фильма по роману Алексея Иванова «Сердце Пармы». Идея экранизировать этой книги, кажется, давно уже витала в воздухе и нуждалась в воплощении, и вот наконец, лед тронулся. Ледоход этот является прекрасным поводом поразмышлять о том, почему «Сердце Пармы» может считаться центральным историческим романом 2000-х годов и почему его экранизация может стать русской «Игрой престолов».

Роман Алексея Иванова «Сердце Пармы» вышел в свет уже довольно давно, и нельзя сказать, что он остался незамеченным. Скорее наоборот, внимания к этому замечательному историческому и (и даже историческому!) произведению было достаточно. Писательский авторитет свой Алексей Иванов закрепил после другими романами («Золото Бунта», «Вилы», «Тобол: много званых», «Тобол: мало избранных»), посвященными истории России и её пути на Восток – через Парму далее, за Урал, в далекую, неизведанную и невиданную Сибирь. И вот потекли в эти края старообрядцы, хлебопашцы, лихие и гулящие люди,

контрабандисты, дружины Ермака, сотни и тысячи русских людей, которые сделали Сибирь наконец русской землей, напоив её своею кровью вглубь на тридцать три сажени...

«Сердце Пармы» повествует о самом начале этого русского пути. О том, как русские люди двигались на Урал и, главное, как осмыслили это свое движение, свое покорение чужих земель. В романе один персонаж спрашивает другого: когда же эта земля, за которую мы воюем, на которой строим храмы, крепости и города, на которой сеем хлеб и рожаем детей, – когда же эта земля наконец станет нашей и мы перестанем её покорять? – и другой персонаж, бессмертный хумляльт Калина, отвечает: «Когда на три сажени вглубь кровью своей её напоим».

Крови в романе льется и вправду много. Можно провести аналогию с романами Джорджа Мартина «Песнь льда и пламени» (которые знамениты прежде всего обилием крови и насилия). Если снять по «Сердцу Пармы» сериал, то получится русская «Игра престолов». Здесь также есть элементы фэнтези, есть и подлинная история с её реалиями, есть и свой Джон Сноу – это главный герой романа князь Михаил Великопермский, который, как и странный «инок-шаман» Калина является «хумляльтом», то есть бессмертным, потому что он прежде своей смерти должен сделать свое главное дело: «Бессмертен любой, кто не доделал своего дела».

Дело князя Михаила – дать установиться России на новой земле. На земле опасной, дикой, странной, языческой. Калина говорит князю Михаилу: «Господь всю вечность сотворил, а мы её только на неделю и поняли, да и то последний день – отдых... А там, за горами, – то, что у Бога дальше было, нам не понять. Тут мы без Бога остаемся, лицом к лицу с вечностью...»

О чем эти рассуждения? О божественном деянии, о творении мира и о том, что происходит после: покидает ли Творец свое творение и оставляет Свою тварь наедине с сотворенным, или же участвует далее в жизни твари? Это вопрошание о том, что же кроется там, горами, за лесами, что там далее, за Пармой? Неведомые холодные, еще более дикие просторы, Сибирь, куда пролегает путь русских. Неслучайно после у Иванова последует серия книг о Сибири: «Тобол. Много званых», «Тобол. Мало избранных», история покорения Сибири «Дебри».

В «Сердце Пармы» много говорится о том, как трудно найти язык для проповеди христианства диким языческим народам: «Питирим пересказал им (христианские истины язычникам-пермякам. – А. К.-Л.) своими словами, поражаясь, как святотатственно звучит его переложение на чужой язык и чужой быт». Язычники ответили епископу: «Ты говоришь непонятные нам вещи. Что такое грех? Человек идет по судьбе, как по дороге. С одной стороны – стена, с другой – обрыв; свернуть нельзя. Можно идти быстрее или медленнее, но нельзя не идти. Что же тогда такое – грех?» – Здесь языческий фатализм сталкивается с христианской философией свободы. Судьба и свобода – две главные темы романа. Причем и судьба, и свобода применяются к Родине. Родина предстает и как судьба, и как свободный выбор для главного героя, который должен вместить в себе и страшную религию свободы, требующую от человека невероятных дерзаний духа, и поистине детское принятие судьбы у язычников-пермяков. «Они (язычники-пермяки. – А. К.-Л.) дети душой, – убеждал себя Питирим. – Не по злонамерению богохульствуют, а по неведению...» Дети без отца, среди дикого мира. Враждебное пермякам племя вогулов, тоже язычников, убивает Питирима, христианского проповедника:

«Владыка оставался один, распятый над снежным берегом, только он – и огромная река да, может, еще где-то и Бог». С точки зрения автора в этих землях русские действительно действуют в одиночку, без Бога, они остаются наедине с холодной бесконечностью дикой природы, и с её детьми, язычниками.

В это пространство, где еще нет Бога и где бродят дети-язычники, убивающие пришедших к ним христианских проповедников и богохульствующие не по злонамерению, а по неведению, – в эту дикую и безбожную землю всматривается главный герой романа, князь Михаил. Вот как автор описывает своего героя: «Ему нравились не ратные подвиги, а именно та нерусская жуть, с которой богатыри боролись. И когда отец вдруг поменял княжество, перевез свой двор и стол куда-то на край земли, за синие леса <...>, когда Миша впервые увидел на обрыве над темной рекой частокол пермского городища, эта самая нерусская жуть словно холодом из пещеры дохнула ему в лицо. Отец привез Мишку в сказку».

Но эта сказка злая, темная сказка, жуткая. Потому маленький князь сразу понял, что главные враги русских в этих диких землях вовсе не язычники-пермяки или язычники-вогулы, и вообще не язычники, вообще не люди; маленький князь, которого тянуло к этой «нерусской жути», понял, что «за стенами острогов русские прятались от чего-то другого, незримого – от чего стены, наверное, и не могли защитить». «Миша понял, что далеко не сказочно всё это – добро, зло, человеческие дела. А потому никогда и никому нельзя позволить решать за себя, что есть добро, и что есть зло, и что надобно делать». Затем молодому князю придется столкнуться с этим выбором, и столкнуться с внешними силами, которые будут навязывать ему свой собственный выбор, будут заставляя его позволить сделать с ним то, что они хотят. Будет заставлять Москва, потом будет заставляя Парма, потом снова Москва, а еще Совесть, Свобода, Долг, Судьба... Князь, главный герой эпоса, окажется в месте пересечения многих дорог, в эпицентре сражения между гигантскими силами, на границе между христианским миром Свободы и природным, диким миром слепой Судьбы, которая не знает никакого выбора. Князь окажется между молотом и наковальней, между имперской волей Москвы и дикой и слепой волей Судьбы, Природы... И когда в начале романа маленький князь смотрел, как язычники-вогулы сжигали город его отца, то он не плакал, потому что «чувствовал, что пламя этого пожара еще осветит всю его жизнь, а пока что оно уже высушило все слезы».

В романе нет манихейства в рассуждениях о религии, хотя в речах языческих шаманов очень часто прослеживается эта линия, мол, все боги одни и те же, и в итоге они лишь персонификация некоей высшей силы, которой и вовсе нет дела, как её воспринимает человек, она просто действует, и действие её неумолимо. Так, в эпизоде, когда князь Михаил видит шамана, приносящего в жертву щенков, очень хорошо видна позиция автора, которую выражает Калина. Князь, глядя на щенков, которых закалывает шаман, думает о том, что эти щенята «просто искорки, которые старик бережно выпускает в остывшие за долгую зиму угли жизни, такой хрупкой и быстротечной». В это время к князю подходит Калина и говорит: «А наш Христос не та же ли искра? – вдруг спросил Калина, шагавший рядом. – Только такая, что вовеки не погаснет».

Князь при этом сомневается, что Христова вера нужна пермякам-язычникам: «Михаилу потом еще долго не давала покоя мысль о предстоящем крещении пермяков. Он вглядывался в себя: не потерял

ли в нем христианин? Нет, вера в нем не пошатнулась. Но здесь, в дремучей Перми Великой, где городища стерегут тайгу, Христова вера была пока еще ненужная, излишняя. Люди, верящие в зверей и демонов, не примут богочеловека. Богов принимают лишь тех, что вырастают из своей земли. А здесь вырастают идолы, а не иконы»

Судьба и свобода переплетаются в действиях князя, интерпретируются по-разному разными сторонами, каждая из которых претендует на его верность. Москва велит ему идти на вогулов и взять вогульского князя Асыку. Это державная воля, это державный долг князя. Супруга князя, ламия (то есть женщина-ведьма) Тиче просит его остаться и не ходить на вогулов с войной:

« – Прошу тебя, Михаил, любимый мой... – шептала Тиче.

– Там погиб мой брат, – сказал князь, зная, что ламия услышит.

– Судьбе не мстят...

– Это не месть... это совесть, Тиче...

– Ты не виноват в его гибели... А боль пройдет...

– Совесть – это не только когда болит. Это когда делаешь»

В князе Михаиле совесть как свобода преобразуется в его судьбу, в его действие и шире – в его Дело. Это дело покорения новых земель, дело, которое не им начато, но это его дело. Дело, которое он должен окончить. «Бессмертен любой, кто не доделал своего дела». Но Дело, которое тебе дает Судьба, может стать твоим только тогда, когда ты свободно его примешь. И главный герой значительную часть своего пути как раз пытается свободно принять Дело, которое дается ему Судьбой. Это сопряжено с крайностями. Он то бунтует против судьбы, то покоряется ей (ни один из вариантов не верен), он то бьется с москвитями против вогулов, то вместе с пермяками и вогулами обороняет Чердынь от московских ратей...

Невыносимая русскость бытия во всех своих крайностях выражается в жизни князя Михаила, который оказался наконецником на победоносном русском копье.

Историческое движение Русской империи к новым землям коснулось его княжеской судьбы, прошло через его сердце, чтобы это одно сердце смогло свободно направить русскую волю вперед и в этом направлении отыскать свою судьбу, реализовать свою свободу. Так и отыскивает свою судьбу князь Михаил, когда он к концу романа отбивает атаку язычников-вогулов на Чардынь при помощи пермяков и затем подошедшего подкрепления от Москвы, а сам гибнет от стрелы вогульского князя Асыки. Гибнет, потому что он сделал свое Дело, позволил русской державной воле двинуться вперед и покорить новые земли, привнести в эти земли Христову веру.

Михаил спрашивает себя перед решающим боем о том, какие силы еще в нем остались? «Бог? Русский Бог ничего не объясняет, попросту разрубая узел волшебных нитей равнодушным мечом прощения. А пермские боги похожи на половцев, что привязывали пленников к хвостам диких кобылиц, – они мчатся по дороге судьбы и не остановятся, даже не задержат бега, если обессиленный человек споткнется и упадет». Вновь и вновь в романе возникает мысль о судьбе и о том, как в своей судьбе найти место своей свободе.

В конце концов, это вопрос не только о судьбе князя Михаила, это вопрос о судьбе России. И князь это понимает. Калине он признается в своих поисках: «Как же мне, князю, к своему народу путь найти? Как нам, русичам, с ними ужиться? Как же, в конце концов, людей любить,

не этих или тех, а всех?» Вот опять же странное пересечение судьбы и свободы, судьбы и совести, совести и воли... «Любить не этих и не тех», т.е. не русских и не пермяков, не кого-то из них, но всех! Это очень по-русски, всечеловечески, но до того как Достоевский высказал эту формулу, что русский это всечеловек и всечеловечность есть сама идея России, до этого был долгий путь к тому, чтобы эта формула смогла реализоваться. Вот о чем спрашивает князь. Он спрашивает о будущей русской идее.

Этот путь к русской идее и вообще к России в романе выражает князь Михаил. Князь созерцает судьбу, свободу и смерть, прежде чем сделать их своими. Характерен эпизод, когда на обратном пути после похода на воголов пермяки вместе с русскими ратниками по «зимнему закону» топят в проруби раненых, чтобы смочь двигаться дальше. «Князь смотрел на это и не чувствовал в себе ужаса. Он слишком присмотрелся, притерся к смерти». Потому что смерть всегда идет рядом с судьбой, задает ей пределы, даже сотрудничает: «Бессмертен любой, кто не доделал своего дела».

Князь Михаил в итоге заслуживает уважение язычников-пермяков. Так, князь Пемдан, мудрый языческий старик, отвечает пришедшим покарать князя Михаила за своеволие москвитам: «Я отвечу на те вопросы, которых ты не можешь задать. Мы уважаем князя Михаила за разум и справедливость. Но мы не пойдем защищать его от вас, потому что рознь между вашим хаканом Иваном и князем Михаилом рождена не пармой и парме не нужна. А мы поклоняемся Пантегу – кедровому духу пармы. Но в знак уважения мы не предадим князя Михаила и не пойдем против него с вами. Если князь Михаил отстоит себя, мы будем рады. Если нет, то поможем ему, но как человеку, а не как князю. Если князь Пестрый будет побит, мы с миром выпустим его вон, хотя на нем кровь людей Уроса; но мы не будем мстить. А если он победит, то мы будем смотреть, справедлив ли он в княжении. Если нет, тогда возьмемся за меч. Если да – то будем давать ясак, как и прежде. Но это не значит, что мы ему покоримся. Мы просто примем его как часть своей судьбы, а ей мы и без князя Пестрого покорны. Я понятно сказал?» Однако это уважение к князю Михаилу со стороны язычников-пермяков не есть еще присоединение их к русским, язычники все еще говорят о своей судьбе и о принятии русских как части своей судьбы. Русские же пришли сделать так, чтобы их судьба и судьба язычников-пермяков стала общей.

Князь Пемдан говорит очень понятно, причем настолько, что в его речи, которая носит характер прежде всего политический, есть место и этике (не предадим князя и поможем ему как человеку), и метафизике (примем нового князя как часть судьбы и покоримся ему как судьбе, то есть и не ему даже, но судьбе, которой они и так покорны). Вообще у Алексея Иванова есть тенденция к тому, чтобы больше внимания уделять описанию языческой мудрости. Быть может, эта мудрость даже более симпатична автору. Например, епископ Иона изображается не мудрым стариком, а безумцем, исполненным надрыва и боли, и в то же время сознанием своей миссии. Собственно, епископ в итоге и вправду становится безумным и гибнет в бою с языческим идолом. Вот как автор изображает этот бой христианского миссионера с языческим истуканом, бой в огне: «Вокруг епископа затрещал воздух, края рясы начали обугливаться, но Иона этого не заметил. От пота его лицо и обнажившиеся из рукавов руки засияли в огне, как медные. Иона

рубил идола – последнего в своей жизни». Безумный епископ, переступивший законы морали, «преодолевший этику» (убийство своего же единомышленника, поджог Чердыни, затем убийство скудельников), в итоге гибнет, уничтожив при этом и языческого идола.

Князь Михаил, долго проживший среди пермяков-язычников, среди их языческого мудрого спокойствия и честной, прямой вольности, в какой-то момент забывает об этом русском проекте, о русском движении вперед, о русской боли и русском надрыве по еще не ставшему, но предвосхищаемому русскому царству. «Михаил задыхался, думая о московитах. Где-то там, за семью далями, они варились в своем котле, за кого-то дрались, к чему-то стремились, но все это было далеко, было ихнее, не пермское». Московиты дрались где-то и за что-то, суетились, строили, бредили свои русским проектом, совсем не так было в Парме: «Дикий еловый край, увалы и утесы, ледяные реки, заповедные чащи, дожди, низкое небо и белые ночи, капища, идолы, городища, курганы, колдуны... И народ – тихий, спокойный, задумчивый народ, словно вечно вспоминающий свое отшумевшее время; народ, владеющий золотом, самоцветами, мехами, рыбьим клыком...»

При этом Михаил был готов воевать за Москву, он воспротивился Москве не потому, что ему был чужд дух московский, просто Михаил хотел других отношений с Москвой: «Если бы Москва объяснила свои беды, если б попросила добром – он согласился бы. Он тоже русский и молится тому же Христу. Он бы дал двойной, тройной ясак, он послал бы в помощь полк, он сам пошел бы простым ратником куда угодно и, наверное, целовал бы крест Великому князю. Но Москва не пожелала заметить, что у него, у его людей, у их земли тоже есть душа». Князь думает о душе своего народа, о душе Пармы, которую следует не подавить, но соединить со своей, русской.

Но Москва не поймет князя Михаила, во время битвы с московитами князь будет думать так: «Московиты победят, потому что на их стороне судьба. Но если судьба уже предрешена, зачем же она завела его, князя Михаила, сюда, на Искорскую гору? Зачем? Для чего? Что ещё ей нужно от князя? Да, он согласен идти в потоке своей судьбы. Он не дурак, чтобы переть против течения, не трус, чтобы выбираться на берег; не глупец, чтобы искать другую судьбу; не безумец, чтобы торопить её бег; не малодушный, чтобы влачиться безвольно... Он хочет именно идти одним ходом – осмысленно, твердо, до конца. “Чего же тебе, сова, от меня надо?”». Это едва ли языческая мудрость, хотя видны попытки автора представить дело так, что этой мудрости князь набрал в свое сердце от Пармы. Это вечная мудрость стойков: посреди тотальной необходимости отыскать пути для свободы. Есть судьба, и течение судьбы понесет тебя туда, куда ему надо в любом случае. И князь видит, чувствует это течение и его силу, чудовищную, нечеловеческую. И в то же время он делает выбор и принимает направление этого течения, не смиряется с ним, но избирает его вольно и смело. Волю Судьбы свободно принимает как свою собственную волю. В этом его княжье и человеческое, русское достоинство, единственно возможное в его ситуации: «И у него только одно оружие против всех бед, обмана и зла, только одно доказательство существования своей души и себя самого на земле – достоинство. Он – человек, живущий в мире людей по людским законам, а людской мир – это толчея волн над глубинным и ровным течением судеб. Пусть его судьба видит, что князь принимает её не как раб, не как влюбленный, не как мятежник и вор. Князь

принимает её с достоинством». И далее: «Пусть он знает свою судьбу и пусть судьбе безразлично, каким он пройдет свой путь, – ему это не безразлично. Он пройдет свой путь с достоинством». «Говорят, судьба не дает выбора. Это неправда. Судьба дает выбор. Судьба дает выбор, но настоящий выбор только один». И князь принимает этот единственный выбор, принимает свое поражение от москвитов, принимает будущую войну, которую он станет вести за Москву и за Россию против нерусской жути, которую следует подвинуть, чтобы родилась Россия.

В Парме можно безнадежно запутаться в судьбе (как один из персонажей романа Вольга), но можно и обрести судьбу, как князь Михаил. Но это не благодаря Парме и языческой мудрости, а благодаря самому человеку! Не Парма и не Москва дали князю его судьбу, судьбу ему дал его собственный выбор. Судьбу дает свобода.

Накануне осады Чердыни москвитами Калина говорит одному из московских ратников: «Вы, москвиты, больны. Вы захватываете огромные земли, а сами разделяетесь на всё более мелкие части – на княжества, на города, на владения бояр. У вас только один исцелившийся человек – ваш великий князь, поэтому боги даруют ему победу за победой». Вольга, запутавшийся в своей судьбе и бежавший от своего стана, спрашивает Калину, как ему излечиться? Калина отвечает: «Я тебе скажу, как считаем мы. Все душевные болезни лечатся любовью к родине. Перестань врать себе и другим, трезво оглядись по сторонам и зажги в своем сердце эту любовь – ты удивишься, насколько проще тебе станет жить и как ясен сделается мир».

А вот разговор Михаила с великим князем Василием, единственным исцелившимся человеком, по слову Калины. Василий говорит, что хочет «все народы перемешать, чтобы по всем нашим землям от Смоленска до Чердыни не было чердынцев, тверяков, москвитом, не было чудинов, литвинов, русинов, – а все были русские!» Здесь Россия – проект. Россия – это мечта, поэтому она или в будущем, или в прошлом. Здоровое отношение к мечте полагает её в будущем. Россия нам еще только предстоит. Князь Михаил потом сам скажет язычникам то, что сказал великий князь Василий ему в каземате: «Русский народ по-настоящему еще не родился, хотя мы и зовем всех москвитов “роччиз” – “русские”. Русский народ еще только рождается, принимая в себя многие малые народы – и нас, и зырян, и печору, и вотяков, и черемисов, и новгородцев...».

Как видно, князь Михаил сильно переменялся после своего поражения от москвитов: «Иван Васильевич и Фёдор Пёстрый его не научили, потому что не было в них духовного превосходства, – но научила судьба. И еще научил Нифонт, у которого судьбы не стало. Он научил Михаила жить на своей земле и идти к своей правде через все препятствия. Эта правда – если, конечно, до неё дойдешь – и оправдает насилие». Не свое то есть насилие, а все то зло, которое случилось с тобой. Причем оправдает только для тебя, а не для тех, кто творил.

После возвращения из московского плена князь Михаил проходит долгий путь, от пути крови он отходит к пути праха: ведь землю можно сделать своею не только напоив её своею кровью на три сажени вглубь (это путь войны), но есть еще и путь мира, когда землю мы устилаем поверху своим прахом. Пашем эту землю, сеем в нее свое семя, взращиваем хлеб, едим его, затем умираем в эту землю, становясь её частью. Князь Михаил уходит на время от пути крови и войны к пути праха, мира и покоя. Но судьба вновь призывает его к активному

строительству и затем к войне. Все-таки уложенный в землю прах следует пропитать не только потом, но и кровью...

Но перед этим князь восстанавливает Чердынь: «Михаил смотрел на стройку, и ему казалось: нет, не бой на Искорке, а вот это время – самое главное в его жизни. Время, когда возрождается Чердынь, первая, самая надежная русская застава навстречь солнцу». Значит, не сломала Михаила Москва и великий князь, не сломали, но укрепили, и не они даже, а сама судьба, которую он избрал себе. Судьба русского князя судьба, которая проводит, как электропровод, мощный заряд русской энергии. Таким электропроводом и явился князь Михаил.

Антагонист главного героя, вогульский князь Асыка, знает выбор князя Михаила, чувствует его, потому что его дело, которое делает его бессмертным до тех пор, пока он его не завершил, это убить князя и не дать ему провести через себя эту мощную русскую энергию в новые земли. Эпизод переговоров князя Михаила с Асыкой это ясно демонстрирует:

«– Какое у тебя еще дело? – мрачно удивился Калина.

– Убить кана Михаила и сжечь Чердынь.

– Почему ты меня ненавидишь? – устало спросил Михаил. – Ты убил моего отца, сгубил брата, отнял жену. Разве тебе мало?

– Ты не прав, – возразил вогул. – При чем тут ненависть? Я тебя уважаю. Мои потомки будут гордиться, что их предок убил русского кана, который вел за собой на каменные горы Русь. Дорогу для неё топчут ваши пахотники, воины, шаманы, но ведешь их ты». Вот самая ясная формулировка того Дела, той Судьбы, которую избрал и осуществляет князь Михаил – вести за собой Русь на Каменные горы. И Асыка это понимает. Они оба хумляльты, бессмертные до той поры, пока не сделают своего дела.

Оба этих дела, Русское Дело князя Михаила и Дело язычника-вогула Асыки, схлестнутся в финальной битве. И Дело князя Михаила победит. Потому что в этом деле Судьба и Свобода соединились, соединились москвиты и пермяки, соединились в русских. И потеснили ту самую нерусскую жуть, которая так поразила князя в детстве и которую олицетворял вогульский вождь Асыка.

Когда во время осады Чердыни вогулами силы обороняющегося князя и его воинов уже истощились, пришла подмога из Москвы. «Русь, Русь пришла!.. – закричал Михаил». Но это пришли не москвиты в красных плащах, которые осаждали его на Искорке, хотя фактически пришли именно они, по-настоящему же это пришла Русь, и князь Михаил это осознал.

Князь Михаил довершил свое дело, он привел Русь на Каменные горы. А Асыка и язычество проиграли, Асыка не сделал свое дело, не сжег Чердынь, не остановил князя. Русь пришла в Парму, затем отправилась в Сибирь и постепенно в этом своем походе стала Россией, москвиты-русичи и пермяки вместе стали русскими, и дикие земли стали их, нашими землями, потому что мы устелили их своим прахом, который время превратило в перегной, и напоили своею кровью вглубь на три сажени.